

КОГНИТИВНАЯ НАУКА В МОСКВЕ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2013

**МАТЕРИАЛЫ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Под ред. Е.В. Печенковой, М.В. Фаликман

5. Stanley D. Frank The Evelyn Wood Seven-Day Speed Reading and Learning Program. Cambridge University Press , 1994.

6. Rayner K., Pollatsek A., Reichle e.d the e-z reader model of eye-movement control in reading: comparisons to other models // Behavioral and brain sciences, 2003, 26, 445–526.

7. Вормсбехер В. Кабин Д. 100 страниц в час. Кемеровское книжное издательство, 1980. N46.

ВКЛАД УНИВЕРСАЛЬНЫХ И ЛИНГВОСПЕЦИФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В МЕНТАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭМОЦИЯХ

Медведева А.С. (1), Блинникова И.В. (2)

stacey.med@gmail.com; blinnikovamslu@hotmail.com

1 — Московский государственный лингвистический университет,

2 — Московский государственный университет

Язык отражает концептуализацию мира человеком, обобщает обыденные, или наивные представления человека о мире. Можно предположить, что эти обыденные представления универсальны у людей разных культур, особенно если речь идет о названиях частей тела, простых движений или эмоций. Анна Вежбицка в своих исследованиях показала, что существуют лингвистические универсалии, которые в своей совокупности составляют естественный семантический метаязык, что, несмотря на различия в восприятии мира, во всех языках есть общие конструкции, универсальные понятия [6]. В то же время, сам процесс обозначения открывает новые свойства в обозначаемых сущностях, и ментальные представления об эмоциях могут оказаться достаточно лингвоспецифичными. В качестве одного из примеров Вежбицка приводит представления о грусти (печали), различающиеся при описаниях по-английски и по-польски (см. [1]). Мы поставили целью выявить вклад универсальных и лингвоспецифических факторов в ментальные представления о базовых эмоциях.

Методика. Для достижения этой цели 23 коренным жителям Мальты (которые являются трилингвами и владеют с детских лет мальтийским, английским и итальянским языками примерно на одинаковом уровне) было предложено оценить 10 базовых эмоций (выделенных К. Изардом [3], названных по-английски, по-итальянски и по-мальтийски, с помощью семантического дифференциала. Предполагалось, что если не

удастся обнаружить различий в оценках одних и тех же эмоций, обозначенных с помощью трех разных языков, то можно будет сделать вывод о существовании у испытуемых единой универсальной системы представлений, не зависящей от внешней формы слов и тех связей, в которые они вступают. В противном случае можно будет говорить о влиянии языковых конструкций на систему ментальных представлений, опирающуюся на «естественные категории эмоций», по выражению П. Экмана [4]. Кроме этого ставилась задача выявить факторную структуру ментальных представлений об эмоциях, названных по-английски, по-итальянски и по-мальтийски. Дополнительно анализировались гендерные различия в ментальных представлениях об эмоциях.

Результаты и обсуждение. Были построены семантические профили для каждой эмоции и установлены значимые различия в оценках эмоций, обозначенных на разных языках, по каждой из семантических шкал. При этом оказалось, что оценки эмоций, названных по-английски, по-итальянски и по-мальтийски, значимо различались лишь в 27.7 % случаев. В качестве интересного результата можно отметить, что положительные эмоции оказались более лингвоспецифичными, чем отрицательные. Для «удивления» и «радости» было выявлено 87.5 % и 81.2 % межязыковых различий соответственно, а для «вины» и «страха» — только 18.5 %. Для «печали» не было установлено ни одного значимого различия. Таким образом, представления о положительных эмоциях оказываются в большей степени зависимыми от языка обозначения. Радость, например, по-мальтийски оказывается менее доброй и более холодной, а по-итальянски более глупой и мягкой, чем по-английски. Удивление по-итальянски оказывается более легким и горячим, а по-мальтийски более умным, чем по-английски.

Надо отметить, что мальтийский язык обладает особой специфичностью в описании эмоций. Среди всех значимых различий в семантических оценках эмоций 80 % приходилось на мальтийский язык (42 % — на различия между мальтийским и английским; 38 % — на различия между мальтийским и итальянским) и только 20 % — на различия между английским и итальянским. Мальтийский при обозначении эмоций как бы дистанцировался от итальянского и английского. Возможно, это происходило потому, что мальтийский был действительно родным для испытуемых.

Факторный анализ всей совокупности полученных оценок привел к выделению двух факторов, объясняющих 45.96% общей дисперсии. Первый фактор, объясняющий 34.37% дисперсии, включал в себя следующие шкалы: легкий — тяжелый; хороший — плохой; чистый — грязный; твердый — мягкий; глупый — умный; злой — добрый; горький — сладкий; счастливый — несчастный. Этот фактор был назван «знаком эмоции» и фикси-

ровал отнесенность эмоции к положительному или к отрицательному полюсу. Второй фактор, объясняющий 11.58 % дисперсии, включал в себя следующие шкалы: горячий — холодный; громкий — тихий; быстрый — медленный; активный — пассивный; смелый — трусливый; сильный — слабый. Он был назван «экспрессивность эмоции», поскольку отражал сочетание силы и активности. В целом, выделение таких измерений согласуется с результатами Дж. Рассела [5]. На основе полученных данных было построено семантическое пространство, заданное двумя факторами (см. рис. 1).

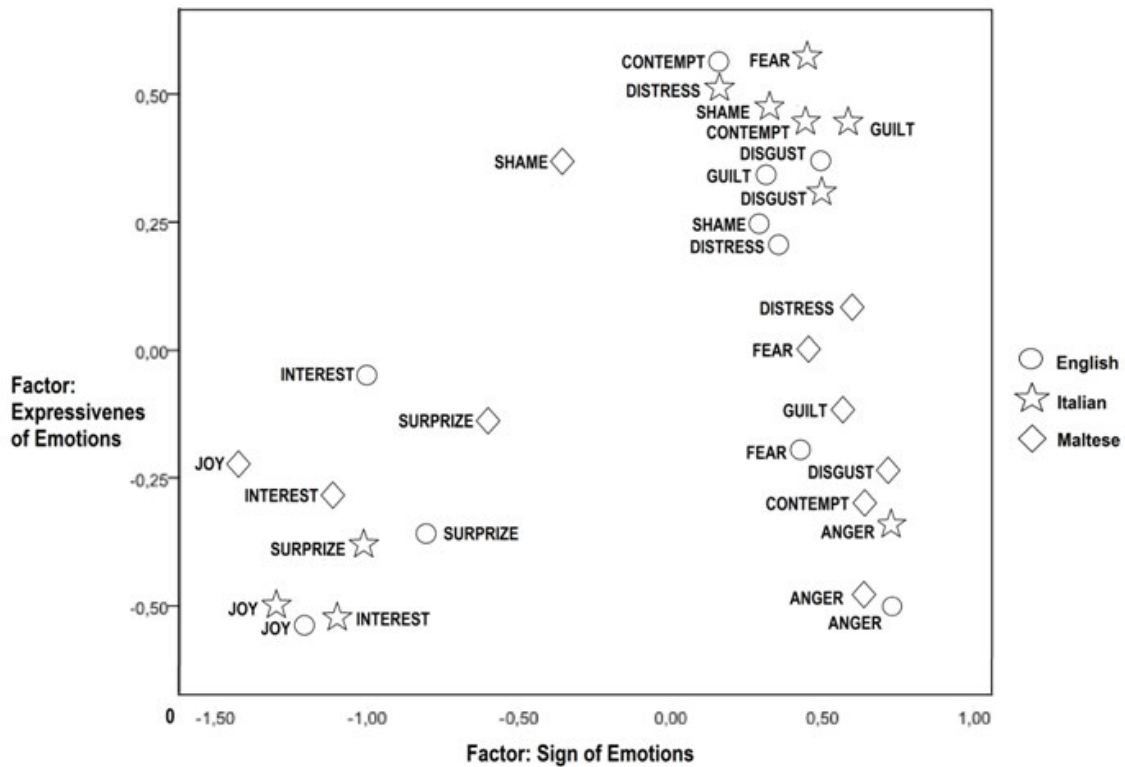

Рис. 1. Семантическое пространство эмоций, обозначенных по-английски, по-итальянски и по-мальтийски.

Проведенный дисперсионный анализ показал значимость различий по первому измерению («знак эмоции») между классами эмоций ($F(2,726) = 128.73, p < 0.001$), что в целом неудивительно. Также было выявлено значимое влияние языка обозначения эмоций ($F(2,726) = 5.29, p < 0.01$). Последнее свидетельствует о том, что эмоции, обозначенные на разных языках, представляются более или менее положительными/отрицательными. Качественный анализ позволяет заключить, что эмоции в итальянском языке приобретают большую полярность: положительные эмоции рассматриваются как более положительные, а отрицательные как более отрицательные по сравнению с английским и мальтийским языками. Кроме этого, было установлено значимое взаимодействие языка и класса эмоций ($F(2,726) = 4.52, p = 0.001$). В мальтийском языке стыд,

например, репрезентируется как более положительная эмоция, а удивление как более отрицательная по сравнению с английским и итальянским. По второму измерению («экспрессивность эмоции») также была показана значимость различий между классами эмоций ($F(9,726) = 22.822$, $p < 0.001$), но при этом фактор языка оказался незначим. В то же время, взаимодействие между двумя факторами было значимым ($F(9,726) = 3.42$, $p = 0.001$). Это свидетельствовало о том, что для отдельных эмоций язык вносил характерные смещения в представления об их экспрессивности. Например, страх, названный по-английски, оказывался более экспрессивным (сильным и активирующим), чем названный по-итальянски.

Факторный анализ оценок эмоций, проведенный для каждого языка по отдельности, позволил вскрыть трехфакторную структуру для английского и итальянского и четырехфакторную структуру для мальтийского языков. В дополнение к «знаку эмоции» и «экспрессивности» были выявлены фактор «эмоционального контроля» и фактор «скорости зарождения эмоции». Ранее также показывалось, что представления об эмоциях, обозначенных на родном языке, более дифференцированы [2].

Также в исследовании были установлены гендерные различия в представлении эмоций на трех языках. Оценки мужчин и женщин редко оказывались на разных полюсах семантических шкал, однако это случалось: в частности, вина оценивалась женщинами как тихая, а мужчинами как громкая, страх оценивался мужчинами как слабый, а женщинами как сильный. Также у женщин, независимо от языка обозначения, была выявлена тенденция к более «активному» представлению базовых эмоций, их оценки имели больший размах и стремились к полюсам семантических шкал.

Заключение. Проведенное исследование позволило выявить универсальный и лингвоспецифический компоненты представлений об эмоциях. Было показано, что семантические оценки эмоций, обозначенные по-мальтийски, по-итальянски и по-английски хотя и незначительно, но отличаются друг от друга. Оказалось, что представления о положительных эмоциях в большей степени зависят от характера лингвистической репрезентации. Было выявлено две универсальные размерности семантического пространства эмоций — их знак и интенсивность выражения. В качестве добавочных измерений выступили эмоциональный контроль и скорость зарождения эмоций. Ранее нами была показана похожая факторная структура при сравнении обозначения эмоций на русском и французском языках [2]. Также в исследовании проявились гендерные различия в представлениях об эмоциях.

Литература

1. Апресян В.Ю. Эмоции: современные американские исследования // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1994.
2. Блинникова И.В., Фролова Е.П., Блинников Г.Б. Оказывает ли язык влияние на представления об эмоциях? // Обработка текста и когнитивные технологии: Сборник статей /Под ред. В. Соловьева, Р. Потаповой, В. Полякова. Казань: Изд-во КГУ, 2007. — С. 18–26.
3. Изард К.Э. Психология эмоций. пер. с англ. СПб.: 1999. 464 с..
4. Ekman P. Expression, the nature of emotion. — K. Scherer, P. Ekman (Eds.), Approaches to emotion. – Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum. 1984. P.319–343.
5. Russell, J.A. Pancultural aspects of the human conceptual organization of emotions. – Journal of Personality, Social Psychology. 1983. — V.45 — P.1281–1288.
6. Wierzbicka A. Semantics, Culture, Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. — New York/Oxford: Oxford University Press. 1992. №47.

В ПОИСКАХ «СЛЕПЫХ ЗОН» МЫШЛЕНИЯ

Морозова Е.Н., Коровкин С.Ю.*

musspelheim@mail.ru, korovkin_su@list.ru

ЯрГУ, Ярославль

Когнитивная наука рассматривает мышление как «процесс формирования новой мысленной репрезентации, который включает преобразование информации в ходе сложного взаимодействия мысленных атрибутов суждения, абстрагирования, рассуждения, воображения и решения задач» [3].

Современные теории мышления, несмотря на свое разнообразие, до сих пор не могут дать точного ответа на вопросы о том, как оно, мышление, устроено и по каким законам функционирует, что помогает, а что мешает человеку принять верное решение, прийти к правильному ответу в процессе решения мыслительной задачи.

Сторонники наиболее популярных на сегодняшний день сетевых моделей представляют мышление как часть общей «архитектуры» когнитивной системы человека. Так, Е.А. Валуева объясняет взаимосвязь решения интеллектуальных и креативных задач активацией элементов общей семантической сети [1].

Р. Коллинз и Э. Лофтус объяснили с помощью «теории распростране-